

ХРАМ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
СПОРИТЕЛЬНИЦА ХАЕВОВ
ГОРОД ШЕЯКОВО

№ 385

18 марта 2018 г.

Иоанн ЛЕСТВИЧНИК

(Klimacus) назван так по своему главному сочинению «Лествица райская» (Κλίμαξ του παραδείσου, Scala paradisi). Отрывочная биография Иоанна Лествичника написана, вероятно, современником и другом его, монахом Раифского монастыря (на берегу Суэцкого залива на расстоянии 30 километров, или 30 верст, к юго-западу от Синая) Даниилом (Migne gr. t. LXXXVIII, col. 585–630). Иоанн родился около 525 г. и 16-ти лет поступил в Синайский монастырь, откуда удалился впоследствии в уединенную келью, а потом – в пещеру у подошвы горы Синая. Сорок лет прожил Иоанн отшельником. Из уединения вызвали его синайские монахи, избравшие своим настоятелем, когда ему было уже 75 лет. Так произошло название Иоанна «Синаит». Другое название «Схоластик» было дано за его ученость. – В продолжение нескольких лет Иоанн оставался настоятелем Синайского монастыря, а затем снова удалился в уединение, в котором и пробыл до конца своей жизни. В 600 г. Иоанн был еще жив, так как сохранилось письмо Григория Вел. от 1-го сентября сего года, адресованное Иоанну, авве горы Синая. Память И. Лествичника церковь празднует 30 марта.

В своей «Лестнице» Иоанн дает руководство к иноческой жизни, которая, – по его мысли, – представляет путь непрерывного и трудного восхождения по «лестнице» духовного самосовершенствования, возводящего подвижника на небо. Ступеней самосовершенствования Иоанн насчитывает 30, сообразно 30 годам жизни Спасителя до вступления Его на общественное служение. По своему содержанию «Лествица» разделяется на 2 части, из которых в 1-й говорится о пороках, противных христианской жизни (гл. 1–23), а вторая раскрывает понятие о нравственных и богословских добродетелях (гл. 24 – 30). По изображению «Лествицы», христианское совершенствование начинается отвержением «мира» и борьбой со «страстями». От рассеивающих удовольствий и чувственных наслаждений «дух» обращается к покаянию и печали, пребывая в постоянном памятовании смерти. Спасительная печаль смягчает сердце подвижника силою слез, освобождает его от себялюбия и снимает с него греховные наросты. Таким путем покаявшийся достигает состояния «молчания», когда он находит слова только для молитвы, песнопений и выражения

«любви». Дух и душа освобождаются от уз грубой чувственности, утончаются, получая действительную способность к общению с миром духовным, небесным, божественным. Блаженное «смирение» ведет по стезям последования Христу и отверзает дверь в небесное царство. – Победивший «страсти» получает высшую способность «различения», которая помогает человеку замечать и распознавать в себе и других злые и добрые движения, подавлять первые и развивать вторые. В высшем состоянии богоподобного бесстрастия и спокойствия подвижник вступает уже на земле в прославленное состояние и созерцает, как бы в зеркале, райские блага. – Строгого и точного психологического анализа внутреннего самоусовершенствования «Лествица» не дает, ибо ее автор, конечно, и не ставил себе этой цели. В переходе от одной ступени к другой иногда трудно указать логическую или психологическую последовательность, а сами ступени не всегда ясно разграничены. Цель сочинения не теоретическая, а практическая, – дать руководство в прохождении духовной жизни монашеской, и, как хорошо удовлетворяющее такой цели, оно издревле пользуется вполне заслуженной славой. Изложение «Лествицы» чуждо риторической напыщенности, причем, иногда встречаются даже пословицы. Вообще Иоанн Лествичник предпочитал афористическую форму сентенций и в немногих словах говорил многое. Источником при написании

этого произведения, – кроме Священного Писания и личного подвижнического опыта, – служили несомненно известные ему труды предшествовавших ему аскетов, из которых он сам называет Евагрия, Кассиана, папу Григория 1-го или Великого и Георгия Арсилаита.

В виде прибавления к «Лестнице» Иоанн написал другое небольшое сочинение: «К пастырю», где он рисует идеал настоятеля монастыря, который, – по изображению писателя, – должен быть пастырем, кормчим, врачом, учителем и образцом для подчиненных. Оба сочинения написаны по просьбе друга Иоанна, настоятеля Раифского монастыря, также Иоанна, который написал на «Лествицу» комментарий. Такие же комментарии писал впоследствии Илия, архиепископ Критский и др.

Оба произведения И. Лествичника сделались любимыми книгами в монастырях. Особым уважением пользовалась «Лествица» и в славянских странах. Уже в X-XI вв. она была переведена на славянский язык в Болгарии. В XIV в. явился другой перевод в Сербии, сделанный под руководством митрополита Савватия. Обе эти редакции распространились и в России.

С. М. Зарин

О МНОГОГЛАГОЛАНИИ

Многоглаголание есть седалище, на котором тщеславие любит являться и торжественно себя выставлять. Многоглаголание есть признак неразумия, дверь злословия, руководитель к смехотворству, слуга лжи, истребление сердечного умиления, призывание уныния, предтеча сна, расточение внимания, истребление сердечного хранения, охлаждение святой теплоты, помрачение молитвы.

О МОЛЧАНИИ

Благоразумное молчание есть мать молитвы, воззвание из мысленного пленения, хранилище божественного огня, страж помыслов, соглядатай врагов, училище плача, друг слез, делатель памяти о смерти, живописатель вечного мучения, любоиспытатель грядущего суда, споспешник спасительной печали, враг дерзости, безмолвия супруг, противник любоучительства, причащение разума, творец видений. Неприметное предупреждение, сокровенное восхождение.

Прп. Иоанн Лествичник

ДОСТОВЕРНА ЛИ БИБЛИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК?

Люди нередко спрашивают: насколько достоверна Библия с точки зрения историка? Действительно ли все описанные в ней события происходили именно так, как там сказано, или что-то было иначе? И как тогда всё случилось на самом деле? Интерес порождает спрос на сенсацию, а спрос рождает предложение: то и дело появляются скандальные «подлинники версий» тех или иных библейских сюжетов вроде «Кода да Винчи»... Так точна Библия или нет?

ОБЪЕКТИВНОСТЬ ИСТОЧНИКА?

История – это тоже наука, только гуманитарная, поэтому, рассуждая об отношении Библии к исторической науке, можно было бы повторить многое из сказанного в прошлой главе. Прежде всего, это рассуждения о том, что авторы Библии были людьми своего времени, разделяли его представления и говорили на его языке. Рассуждая об историчности Библии, сначала надо определиться с понятиями. В книжных магазинах все больше появляется книг, которые называются библиями – например, «Библия японского переводчика». Это справочники: в таких «Библиях» изложены с максимальной точностью и полнотой все факты, имеющие отношение к данной области знания. Так вот, с этой точки зрения Библия вовсе не является «Библией», то есть полным и точным справочником по истории Ближнего Востока, точно так же, как она не является справочником по астрофизике или геологии. Тогда просто не было таких учебников, и любой текст отражал не просто факты, а определенную точку зрения на них, да и сами факты подбирались так, чтобы прежде всего выразить позицию автора.

В этом отношении Библия совершенно не отличается от любых других исторических повествований древности. Впрочем, много ли независимых источников сейчас? Мне довелось в разгар экономического кризиса 2008 г. беседовать с жителями Украины, которые смотрели российские телеканалы. У них сложилось твердое ощущение, что Россию, в отличие от Украины, кризис совершенно не затронул, у нас всё в полном порядке. С другой стороны, если судить по тем же телеканалам о положении на Украине, можно было сделать вывод, что там скоро начнется голод и гражданская война. Вот что значит умелый подбор фактов и их освещение «в правильном ключе».

Сегодня, впрочем, у нас есть множество альтернативных источников информации, которые мы можем сравнивать меж собой и самостоятельно делать выводы: пусть все они субъективны, но вместе они дают объемную картину. Но от библейских времен таких источников дошло крайне мало. У нас есть, например, знаменитый «Моавитский камень», на котором Меша, царь Моавы изложил свою историю войн с Израилем – разумеется, он повествует о своих славных победах. А Библия в основном (хотя не исключительно) говорит о победах Израиля над Моавом. Значит ли, что один из этих источников лжет?

Нет, но оба избирательны, оба говорят

лишь о том, что считают характерным и важным: о победах своего народа.

Вот почему, например, до нас не дошло никаких египетских рассказов об Исходе евреев из Египта – но могли ли они вообще существовать? Фараон для египтян был по определению победителем азиатских варваров, и что бы ни произошло с ним в военном походе, любой египетский источник изображал его победителем... или просто умалчивал о случившемся. А ведь для кого-то сам тот факт, что египетские памятники молчат об Исходе, служит доказательством недостойности самого Исхода.

АРХЕОЛОГИЯ КАК КРИТЕРИЙ ПОДЛИННОСТИ?

Если тексты необъективны, то некоторые вещи можно проверить с помощью археологических находок, но и они тоже нуждаются в интерпретации. Допустим, найден каменный топор или глиняный черепок – но кому принадлежали эти предметы, что происходило с этими людьми, на каком языке они говорили, как называли свой народ? Ничего этого топор и черепок нам сами по себе не расскажут. Да и не всегда можно их найти: ну какие, к примеру, могли остаться археологические свидетельства Исхода израильтян из Египта? Некоторое количество человек переселилось из одной страны в другую, по дороге они не строили городов, не рыли каналов, и любые следы их путешествия давно уж затерялись среди прочих следов кочевников на Синае. И если египетский фараон со своим войском утонул на дне моря, то от него тоже ничего не сохранилось. Так что история Исхода не может быть ни подтверждена, ни опровергнута археологами.

Верующие историки и археологи в свое время приложили немало усилий для того, чтобы подтвердить своими находками библейские тексты. Отчасти им это удалось, например, были найдены следы планового строительства, датированного примерно временем правления царя Соломона. Но это доказывает лишь одно: в это время и в этом месте существовало централизованное государство. Кто правил им, и верны ли рассказы о его жизни – об этом археология молчит.

В современной исторической науке появилось гиперкритическое направление – минимализм. Его сторонники полагают, что те библейские истории, которые не подтверждены однозначно археологическими находками или независимыми письменными источниками, следует считать выдумкой. Последовательно отвергнув все древние повествования, минималисты пришли к выводу, что никакой истории Израиля до вавилонского плена не было совсем, а при персах на территорию Палестины переселились люди разного происхождения. Им нужно было создать для себя какое-нибудь общее прошлое, вот они и выдумали истории про древних героев... Посмотрите на Иерусалим, говорят минималисты, там же не осталось от допленных времен ничего, кроме нескольких захоронений и подземного водопровода царя Езекии (о нем, кстати,

упоминает 4 Царств 20:20). Но, с другой стороны, а что еще могло остаться от города, который несколько раз был разрушен до основания, и затем его территория была заново застроена? Только подземные сооружения, которые как раз и сохранились.

Что касается Нового Завета, то самое главное в нем – истории о людях. Можно ли доказать истинность евангельских историй? Вроде бы ничто в них не противоречит имеющимся у нас историческим фактам. Но ничто и не подтверждается ими. Возьмем, скажем, такое заметное событие, как убийство Вифлеемских младенцев. Казалось бы, злодеяние такого уровня должно было оставить след в памяти людей того времени, однако никто из древних историков его не упоминает. Но если учесть, что Вифлеем был совсем небольшим селением, а жестокостями царя Ирода, да и вообще массовыми убийствами в ту пору никого нельзя было удивить, то не стоит удивляться, что трагедия Вифлеема просто не была замечена за множеством бурных и не менее кровавых событий, происходивших в больших городах. Тот же Ирод приговорил в разное время к казни по одним лишь подозрениям собственную любимую жену и двух сыновей, а за несколько дней до смерти велел собрать в цирке всю иудейскую знать и поголовно ее перебить – правда, это его завещание так и не было исполнено. На этом фоне резня в маленьком городке могла просто затеряться среди других таких же событий.

Пожалуй, единственной надежной привязкой остается астрономия. Звезда Рождества – может быть, это вспышка сверхновой, яркая и совершенно неожиданная? Сейчас мы не будем рассуждать, когда конкретно и какая звезда вспыхнула тогда на небосводе, и действительно ли она указывала волхвам направление от Иерусалима к Вифлеему (у астрономов есть свои предположения), но самое главное, что это в любом случае история о чуде, а чудо, как мы уже говорили в прошлой главе, невозможно объяснить с помощью естественнонаучных данных.

Иными словами, согласование объективных научных данных и библейских повествований – это всегда проблема. И это касается не только Библии, но и любых других древних текстов. Например, по находкам археологов мы знаем, что город Троя действительно существовал, что в определенный момент времени он был захвачен врагами – но как узнать, была ли то Троянская война, кто и с кем ее вел и по какой причине? Насколько историчен Гомер? Других письменных источников по этой войне у нас нет, в отличие, скажем, от войн Александра Македонского или Наполеона.

В то же время объективным историкам приходится признавать, что библейские книги – это ничуть не менее достоверный источник по истории своего времени, нежели любые другие дошедшие до нас тексты древнего Ближнего Востока. Проверить, точны ли они в деталях, мы просто не можем, а насколько они верны в главном – в описании отношений Бога и человека – на этот вопрос отвечает вера, а не наука.

Андрей Десницкий

ХРИСТИАНСТВО, КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕАЛЬНОСТИ ХРИСТА

Действительно, христианство очень рано стало распространяться сначала в пределах огромной тогда Римской империи, а через короткое время вышло за пределы ее. Ныне христианство распространено по всему миру – и его внутренняя цельность и прочность определяют его покоряющую силу; в этой живучести христианства, в бесконечных проявлениях стойкой преданности Христу нельзя не видеть свидетельства огромной исторической силы христианства. Как всемирная религия, христианство имеет, правда, своими соперниками буддизм и магометанство, но эти два Внехристианских мира хоть и очень медленно, но разлагаются и поддаются воздействию христианской миссии. Действительно, если привести хотя бы один пример католического миссионера в Сев. Африке (Фуко), то ясно, что действие христианской миссии велико и в наши дни.

Всему этому величию христианства в истории основой служит личность Господа Иисуса Христа – Его образ привлекает к себе сердца и покоряет их. Христа чтут и в исламе, как пророка, – достаточно взять в руки Коран, чтобы убедиться в том, какое огромное место там занимает Иисус. О внедрении христианской миссии (исходящей от разных вероисповедных групп) в язычество свидетельствуют многочисленные факты. Образ Христа светит почти всему миру – даже и там, где нет христианской Церкви.

Понять это неослабевающее действие христианства и особенно личности Господа Иисуса Христа можно, только опираясь на Его живое явление на земле. Если Христа, как уверяют противники христианства, никогда не было, если Христос есть такой же мифический образ, как Дионис, Озирис, Митра и т. д., тогда, конечно, возникновение христианской Церкви совершенно необъяснимо. Если, как говорят, небольшая иудейская группа воспользовалась ветхозаветным образом Иисуса, чтобы выделиться из иудаизма и образовать новую религию, то разумеется вокруг вымышленного образа (всю нерелевантность которого создавали бы неизбежно именно те, кто «выдумал» этот образ) ничего прочного возникнуть не могло бы. Можно подвергнуть сомнению все евангельское повествование о Христе, признавать мифом различные события и факты (во имя «демифологизации» Св. Писания), но простой здравый смысл требует признания того, что в группировке этих повествований была некая живая личность. Все своеобразие христианства и заключается в том, что учение христианства неотделимо от личности его Основателя.

Достаточно ознакомиться с античными религиозными образами, чтобы сразу почувствовать, что это действительно суть мифы, т. е. создания человеческой фантазии. Конечно, в основе каждого мифа лежит какое-то подлинное переживание, но образы, с которыми религиозное сознание связывает эти переживания, всегда и всюду переживались в язычестве, как «символ». Отсюда те- кучесть того содержания, которое усва-

ивалось отдельными образами, – при устойчивости самого религиозного переживания тот «предмет» (личность или божественная сила), к которому религиозное сознание их: относило, мыслился всегда полу реальным. Отсюда легкость, напр., отождествления римлянами своих «богов» (Юпитера, Юноны и т. д.) с греческими аналогичными божествами (Зевс, Гера и т. д.), то же надо сказать и об эллинизации египетских божеств (Гермес был легко отождествлен с египетским богом Тотом, Серапис объединил образы Озириса и Аписа и т. д.). В позднейших мистериях Изиды она именовалась «многоименной...» И дело здесь было, конечно, не в отождествлении имен разных божеств, а в сознании единства их «идеи». Поэтому культ матери земли, существовавший в разных странах, легко подменял имя, скажем, Артемиды или Деметры с другим именем, культ Афродиты, тожественный культу Венеры, легко сближался с вавилонским культом Астарты. За различными именами открывалась единая сущность, но не единая реальная личность.

Христианство тем и было отлично от всех этих культов, что неподвижной точкой в нем был один и тот же образ, одна и та же неразложимая божественная личность. Когда у гностиков (особенно более поздних, как Василид, Валентин), которых Церковь признала еретиками, образ Спасителя получил черты мифического образа, то он сразу и был оторван от истории, превратился в некую божественную категорию, получил характер мифического, но не реального существа.

Таким образом, внутри христианского сознания реальность личности Иисуса охранялась именно его историчностью. Все развитие и христианского культа и христианского догматического сознания определялось этой непрерываемой исторической реальностью Христа.

Вообще, если на минуту допустить, что в исторической реальности никогда не было Христа, что Христос был созданием мифотворческой фантазии, тогда все развитие христианства представляется странным чудом: на пустом месте силой фантазии создается образ, который вдруг становится основой, прочной силой исторического движения!

И как странно – ведь нет ни одной исторической религии, у которой не было бы ее основателя – только христианство оказывается будто бы без основателя, оказывается продуктом чистой выдумки, «литературным изобретением». Нужно не иметь никакого чутья истории, чтобы отвергать – хотя бы минимализированную

историческую основу в христианстве, т. е. отвергать личность его основателя.

ХРИСТИАНСТВО И ЯЗЫЧЕСКИЕ МИСТЕРИИ

Но тут возникает новое сомнение. Если признавать, что у христианства был основатель, то почему в образе Христа столь много сходств с несомненно мифическими образами – по крайней мере в некоторых деталях? В раннем христианстве был даже взгляд, что диавол, проникнув в тайну смерти и воскресения Христа, подсказал разным народам эту тайну, которая и определила содержание различных мистерий. Сближение же христианских фактов с мистериальными рассказами стало за последнее время не просто модным, но можно сказать навязчивым. С другой стороны и многие из верующих христиан, когда знакомятся, хотя бы поверхностно, с языческими мистериями, испытывают какой-то неприятный шок – именно в виду ряда сходств христианских и мистериальных черт. Мы должны поэтому подробно войти в изучение всего этого материала, но заметим тут же, что не только в вопросе о соотношении христианства и языческих мистерий, но и вообще при сопоставлении язычества и христианства, явно выступает необходимость христороцентрического понимания истории религии. Под этим мы разумеем то, что в христианстве, как в фокусе, сходятся разрозненные черты язычества, которое было полно предчувствий тех истин, которые в полноте и целостности находим мы в христианстве. Человечество, жившее во все эпохи под промыслом Божиим, бессознательно шло (как частично и сейчас еще идет) к принятию Христа – и эта подготовка и превращает само христианство в центральный факт в религиозной истории человечества. То, что открывалось язычеству в отдельных его религиозных движениях, все это получило в христианстве свое завершение, свою разгадку. Христороцентрическое понимание истории религии дает нам достаточное объяснение того, почему между христианством и язычеством есть столько сходных черт. И здесь с другой стороны становится понятной вся мнимая обоснованность того понимания христианства, которое превращает его в некую мозаику. Для каждой почти особенности христианства мы можем действительно найти аналогию в языческих религиях, – но это вовсе не вследствие «заимствования» христианством чего-либо из язычества (что бессмысленно, так как превращает органическую цельность христианства в эклектический набор, в подлинную мозаику), – а вследствие центрального положения христианства в истории; к христианству бессознательно тянулись нити из всех почти языческих религий. Христороцентричность религиозного процесса в истории достаточно поэтому объясняет смысл усматриваемых в христианстве и язычестве сходств. Войдем теперь ближе в сравнительное изучение языческих мистерий и христианства.

Прот. Василий Зеньковский

Расписание богослужений с 19 по 25 марта 2018 г.		
19 марта Понедельник	Мч. 42-х во Амморее	
20 марта Вторник	СВЯТЫХ СОРОКА́ МУЧЕНИКОВ, В СЕВАСТИЙСКОМ ЁЗЕРЕ МУЧИВШИХСЯ	8:30 Утренняя. Часы. Изобразительны. Исповедь. Вечерня с Литургией Преждеосвященных Даров <i>/иерей Александр/</i>
21 марта Среда	Прп. Феофила́кта исп., еп. Никомидийского	8:30 Утренняя. Часы. Изобразительны. Исповедь. Вечерня с Литургией Преждеосвященных Даров <i>/иерей Александр/</i> 17:00 Утренняя с канонем св. Андрея Критского. 1 час <i>/все священнослужители/</i>
22 марта Четверг	ЧЕТВЕРТО́К ВЕЛИКОГО КАНОНА «СТОЯНИЕ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ»	8:30 Часы. Изобразительны. Вечерня с Литургией Преждеосвященных Даров <i>/иерей Андрей/</i>
23 марта Пятница	Мч. Кодрата и дружины его	8:30 Утренняя. Часы. Изобразительны. Исповедь. Вечерня с Литургией Преждеосвященных Даров. <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Утренняя с акафистом Пресвятой Богородице. 1 час <i>/все священнослужители/</i>
24 марта Суббота	СУББОТА АКА́ФИСТА. ПОХВАЛА́ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста. <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
25 марта Воскресенье	НЕДЕЛЯ 5-Я ВЕЛИКОГО ПОСТА, ПРП. МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Василия Великого. Таинство елеосвящения. <i>/все священнослужители/</i> 17:00 Пассия <i>/иерей Александр/</i>

СВТ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК. ПИСЬМА О ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

86 «Что значит, что во время са-
мой брани не должно предпри-
нимать средств к будущему предотвра-
щению ея?»

Кажется, это очень понятно и не требу-
ет объяснений. Возжелавшая чистоты и тем
более – вкусившая уже сладости внутрен-
него покоя душа не может не досадовать,
когда возбуждаются нечистые страсти или
чем нибудь нарушается внутренний покой.
Она недовольна бывает тогда собою и гне-
вается на причину неприятного состояния
своего. Желая оградить себя на будущее
время от подобного случая, конечно, долж-
но положить на себя известные правила,
в отвращение причин его. Но делать сие,
в сем состоянии недовольства, досады и
гнева на себя, не должно, ибо гнев меры
не знает и побудит нас наложить на себя
такие строгия правила, каких исполнить в
точности мы будем не в состоянии, и сле-
довательно должны будем изменить их. А
это изменение есть новое поражение – не
безвредное. Поясним это простым приме-
ром. Вы проспали лишний час; от того чув-

ствуете расслабление и холодность, и неу-
стойчивость мыслей. Вам досадно это тем
более, что вы проспали час молитвы, или
какую либо церковную службу. Причиною
излишнего сна было то, что вы приняли
пищи больше против обыкновенного, а это
от того, что пред столом кто-то приходил
и развлекал ваше внимание, после чего вы
кушали, сколько хотели, в рассеянности.
Разобрав все сие, в досаде вы полагае-
те: никого не принимать, к столу подавать
одно кушанье, или назначаете сухояде-
ние, спать не на постели, а сидя в крес-
лах... Отданы приказы, и постель вынесе-
на. На следующий день кто-то приходил, и
отказано. Вам сказывают, что это такой-то
или такая-то, лице нужное, с которым не-
пременно надо было видеться. Досадно,
но не воротишь. Пришел час садиться за
стол. Покушали. Чувствуете, что очень
скудно, и жалеете, что кухарка не наруши-
ла вашей воли и не приготовила лишнего
блюда... Наконец, надо спать. Садитесь в
кресла... дремлете, но не спите... так про-
ходит долго... Заснули наконец, но скоро
проснулись. До разсвета еще далеко, но
не спится, хотя нужно бы соснуть еще. Так
час – другой. Надобно ж и вставать. Вста-
ете... в голове мутно, поясница болит, ноги

едва ходят, руки не служат. Вам кажется,
что вы больны. Приказываете принести
постель и, заказав вкусный обед, ложитесь
спать. Наспавшись вдоволь, обедаете
сытно в поздний час; вечером принимаете
всех и не наговоритесь, о чем ни попало.
Вот до чего дошло! А причина в чем? В
том, что не во время начали себя предо-
стерегать от падений.

95 Ваше сердчание на N. N. плохой
означает прогресс! Ведь и без
сердца можно сказать дело. Прямо судя,
вещи на свете нет, за которую следовало
бы сердиться. Что дороже души и покоя
ея? А сердчание отнимает сей покой. Тут
себе наветником бывает человек. И сам
еще раздувает, увеличивая в душе неправ-
ды другого. Все от того, что внимания нет
к себе: вот и прорвется. В сердце глубоко
лежит присвоение себе прав судить и на-
казывать за грехи других, вместо себя. Тут
все... Когда бы себя грешником видел че-
ловек, с чувством всех последствий греха,
не стал бы сердать. Хорошо, что от гнева
вы перешли к мысли о смерти. Это дело. И
не выходите мыслию из гроба. Стойте там
и умоляйте Господа о помиловании.